

мѣстъ ходилъ солдатъ въ дорогу, а Машенька-то была дочь морскаго царя. Коточигъ да палочка, вся и сказочка.

Кадниковскій у. 1907 г.

37. Золотые парнеки.

Жилъ купецъ да купчиха, у нихъ былъ одинъ сынъ Иванушко; и надо Иванушку женится, и пошелъ выбирать невѣсту, вѣздѣ переходилъ, негдѣ не нашелъ и думаетъ, что пойду еще по килейкамъ; онъ сколько ходилъ, по мыслѣ не нашелъ.

Онъ пришелъ къ килейкѣ подъ окошко, въ килейкѣ были три дѣвки, онѣ слышали, что Иванушко прибираетъ невѣсту, эти дѣвки и говорятъ, большая сказала: „меня-бы взялъ, такъ всю Россію-бы одной иглой-бы обшила“, а другая сестра говоритъ: „а меня-бы взялъ, я-бы всю Россію однимъ-бы зернышкомъ прокормила“, а меньшая сказала: „меня-бы взялъ, такъ я-бы родила девяти парнековъ по локоть руки въ золотѣ, а по колѣнъ ноги въ серебрѣ, а въ лобу красно солнышко, а во очахъ свитѣль мѣсяцъ“. Этотъ Иванушко и услыхалъ и пошелъ домой, рассказалъ отцу, отецъ сказалъ: „возмемъ за тебя эту, которая родитъ девяти парнековъ“, и послали сватомъ. Пришелъ сватунъ къ этимъ дѣвушкамъ и спрашиваетъ: „которая говорила, что принесу девяти парнековъ?“ И сказали, что меньшая, Машенька. Высватали и взяли Машеньку за Ванюшку замужъ. Порядочно пожили, эта Машенька стала въ тягостяхъ и родила трехъ парнековъ по локоть руки въ золотѣ и по колѣнъ ноги въ серебрѣ, а въ лобу красно солнышко, а въ затылкѣ — свѣтелъ мѣсяцъ, а въ бавшки созвали ягу-бабу. Ягѣ-бабѣ надо перевести эту Машеньку, а отдать за Ванюшку свою дочь. Эта бавшка взяла этихъ парнековъ, снесла на болото подъ колодину, а въ то время принесла собака щенковъ, бавшка взяла трехъ щенковъ и положила къ Машенькѣ, а сама сказала Иванушку: „твоя жена принесла не парнековъ, а щенятъ“.

Онъ и говоритъ: „первый разъ прощаю“. Они порядочно пожили, Машенька опять стала въ тягостяхъ, и созвали ягу-бабу въ бавшки. Машенька родила трехъ парнековъ: Эта яга-баба опять снесла, подъ колодину положила, а Машенькѣ опять щенятъ. Сказала Ванюшкѣ, онъ говоритъ: „въ другой винѣ прощается“. Ну, ладно, хорошо, сказка скоро сказывается, а дѣло не скоро дѣлается. Порядочно пожили время, и стала Машенька опять въ тягостяхъ, и созвали въ бавшки ягу-бабу. Машенька родила опять трехъ парнековъ. Эта яга-баба двухъ взяла и снесла опять подъ ту колодину. Пришла и сказала Иванушку. Иванушка велѣлъ заколотить въ бочку свою жену и съ парнекомъ и опустили въ рѣку, изъ рѣки унесло въ морѣ, моремъ качало да качало и прикачало къ берегу. Этотъ парнекъ выростъ порядочной и говоритъ: „мама, я протянусь“. Мать ему и говоритъ: „что какъ протянешся, бочку изломаешь, такъ оба мы съ тобой потонемъ“. Онъ не послушалъ матери и протянулся; лишь у крышки доска выскочила, они сперва испугались, потомъ видятъ, что на берегу, и обрадѣли и вышли изъ бочки. Этотъ парнекъ выстроилъ избушку, чтобы можно съ матерью жить, около избушки выстроилъ садикъ. Долго они тутъ жили, какъ въ одно вышли въ садикъ, онъ гуляетъ, а мать сидитъ на стулѣ да плачетъ. Вдругъ по морю идетъ корабль, на кораблѣ видятъ, что такой молодецъ гуляетъ, и говорятъ: „этимъ мѣстомъ и птицы мало лѣтаютъ, и звѣрье мало сюда заходить, а теперь люди здѣсь живутъ“. Корабельщики удивились и пристали къ берегу и пришли къ этой избушкѣ. Парнекъ ихъ угостилъ и спросилъ „чьи да откуда?“ Корабельщики тоже сказались, что они изъ того городу, откуда этотъ парнекъ съ матерью. Конечно, парнекъ не сказался. Когда корабль поѣхалъ назадъ и сказали, что такой-то человѣкъ женился, то этотъ парнекъ обернулся мушкой и полетѣлъ съ нимъ, прилетѣлъ мушкой и сѣлъ на окошко и слушаетъ, что отецъ не съ родной матерью толкуютъ. Корабельщики имъ сказали, „что у моря есть живутъ такія люди“. Этотъ отецъ и говоритъ: „надо съѣздить, надо увѣзти парнека“. Яга-баба и говоритъ: „не ѣзди, а лучше возми есть подъ колодиной восемь парнековъ“.

Ну, ладно, не поѣхалъ: яга-баба не велѣла. Эта мушка улетѣла къ маткѣ, прилетѣлъ и разсказалъ матери.

Немного времени прожили, парнекъ и говоритъ матери: „мама, испеки пирожокъ получше“. Эта Машенька испекла пирожокъ на своемъ молокѣ. Этотъ парнекъ обернулся мушкой и взялъ пирожковъ. Опять полетѣлъ, прилетѣлъ къ той колодинѣ и положилъ пирожокъ на колодинку, самъ сѣлъ за колодину. Эти восемь парнековъ вышли, стали ѣсти этотъ пирожокъ и говорятъ: „какой сладкой пирожокъ, какъ наша маменька“, а сами маменьки не видали. Этотъ парнекъ вышелъ изъ за колодины, поздоровались они, другъ друга узнали, потому что все равнакія по колѣнъ ноги въ серебрѣ, по локоть руки въ золотѣ, въ лобу красно солнышко, а въ затылкѣ свѣтелъ мѣсяць, и пошли всѣ къ матери. Пришли къ матери, она имъ обрадовѣла и все разсказала, что какъ ихъ яга-баба снесла въ лѣсъ, а ее какъ отправили въ морѣ. Немного пожили, вдругъ ѣдетъ тотъ самый корабль, который раньше приходилъ. Эти парнеки, всѣ девять, вышли въ садъ гулять. Корабельщики удивились. Потомъ, когда назадъ корабль поѣхалъ, то эти девять парнековъ обернулись голубками и прилетѣли и сѣли на окна. Корабельщики сказали этому Ивану, что видѣли, возлѣ моря такія девять парнековъ живутъ и съ матерей. Этотъ Иванушко говоритъ своей ягѣ-бабѣ: „я поѣду“. Яга-баба видитъ, что дѣло не ладно будетъ, ничего не сказала. Онъ средился и поѣхалъ. Пріѣхалъ къ тому мѣсту, гдѣ эта избушка, пріѣхалъ къ берегу и пошелъ въ избушку, поздоровался и сталъ звать ихъ къ себѣ. Машенька и говоритъ: „буде не такъ станешь держать“. Онъ говоритъ: „не буду таковъ, какъ прежде“. Они средились да и поѣхали. Пріѣхали къ дому, а та жена, яга-баба, испугалась и встрѣчать не вышла. Когда они пришли въ домъ, то Иванушко этихъ молодцевъ и Машеньку угостилъ, а эту ягу-бабу съ матерей посадилъ на ворота и разстрѣлялъ обѣихъ, а съ этой Машенькой и съ парнекамъ стали жить да поживать да добра наживать.